

ДМИТРИЙ РИДИГЕР

УЗНИКИ РАВНОВЕСИЯ

Дмитрий Ридигер

Узники равновесия

«Издательские решения»

2015

Ридигер Д.

Узники равновесия / Д. Ридигер — «Издательские решения»,
2015

Первым, рабочим названием этого сборника было «Отложенные Пришествия», и в него входят три очень разных произведения. Их можно читать вне связи друг с другом — просто как неторопливую философскую притчу, рассказ в стиле кибер-панк и динамичную фантастическую повесть о грядущих космических войнах. А можно рассматривать как три иллюстрации — с непривычных ракурсов — вечной борьбы добра со злом и сложностей при попытках нарушения равновесия между ними.

© Ридигер Д., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Вместо предисловия	6
Плотник	9
Рой	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Узники равновесия

Дмитрий Ридигер

© Дмитрий Ридигер, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вместо предисловия

Приходилось ли вам когда-нибудь слушать океан? Именно слушать, а не слышать? Я имею в виду – не проходя по набережной или лежа на пляже, где его негромкий голос постоянно заглушается звуками, издаваемыми людьми и их разнообразными творениями. И не с борта какого-нибудь плавсредства, с усилием заставляющего соленую воду шипеть под носом посудыны.

Да, именно так – слушать один-на-один, не торопясь и без досадных помех?

Когда я первый раз в жизни увидел море, мне почему-то показалось, что с таким мощным явлением природы можно по-настоящему общаться только один-на-один. Тем более – с океаном. Но как-то все не получалось – многолюдные пляжи, шумные набережные, а времени никогда не хватает... Если эта мысль иногда и проскакивала, то быстро и с легким сожалением – «ну, в этот раз не получится, а как-нибудь потом – обязательно...» И оставалась только легкая досада после взгляда на горизонт, где вода сливается с небом. Досада сродни той, что возникает в толпе чужих, но объединенных по какому-то общему поводу людей. Когда хочется, но не получается пообщаться с интересным человеком – то тебя кто-то отвлекает и прервать на полуслове невежливо, то человек явно заинтересован разговором с кем-то и влезать неловко. Вы вроде бы все время рядом, всего-то три шага, но мешает неощутимая стена дурацких, сиюминутных обстоятельств.

Но бывает, что стена неожиданно рушится – и это также неожиданно и непонятно, как и ее возникновение...

Или вдруг возникает пауза в привычном цейтноте, особенно заметном в отпусках и командировках...

И тогда жители маленькой деревушки удивляются, зачем вас занесло в их дыру. Лихорадочно соображая при этом, как можно заработать на случайно заехавшим к ним гринго. И видя, что свежая рыба, плетеные корзины и даже ужин в местной забегаловке его не слишком интересуют, решаются забросить еще одну, последнюю наживку – достопримечательности.

Забавно переплетая слова из местного языка со словами аж из трех европейских, начинают осторожно намекать на имеющееся неподалеку замечательное место. А почуяв заинтересованность, оживляются и запускают «машину рекламы» на полный ход, наперебой объясняя, что это уникальный родник в уникальном уголке природы, и что такой воды не удастся попробовать больше нигде и никогда.

А вы понимаете, что у вас в жизни – пауза. И поддаетесь на уговоры. И покорно идете вслед за проводником, прихватив из машины пластиковую бутылку.

Но каменистая тропа вдруг начинает спускаться к океану, и на удивленный вопрос проводник отвечает, что в этом и есть уникальность родника – он на самом что ни на есть берегу.

Действительно – спустившись к самой кромке набирающего силу прилива и пройдя пару сотен метров по гальке вдоль плавно закругляющейся крутой скалы, вы видите тоненькую струйку воды, лениво бьющую прямо из камня на уровне плеча. И всего метрах в трех от океана.

Вежливо поудивлявшись чуду природы, не торопясь ловите струйку губами, прислонившись щекой к нагретой солнцем твердой горной породе. Вода приятно прохладная и впрямь удивительно вкусная – настолько, что не хочется отрываться, смакуя маленькие глотки.

И напившись вдосталь, вы не без труда пристраиваете в камнях бутылку – и то лишь так, что только половине воды из родничка удастся в нее попасть.

Но вот дань достопримечательности отдана и остается лишь подождать, когда наполнится бутылка – и можно будет идти назад. А пока остается лишь с удовольствием присесть на теплый, округлый камень и прислониться спиной к жесткой скале, похрустев галькой под подош-

вами кроссовок, чтобы поудобнее пристроить ноги. Проводник тоже усаживается рядом – всем видом показывая, что миссию свою он с честью выполнил, и теперь готов спокойно и терпеливо ждать, прежде чем отправиться в обратный путь.

И глаза начинают лениво шарить по океанской глади, пытаясь высмотреть какой-нибудь, пусть самый заваливающий, кораблик. Чтобы убить время, следя за его медленным перемещением. Но горизонт чист, солнце уже начинает понемногу краснеть, словно обессилив за день и устало готовясь погрузиться в пучину, а равнодушные волны неспешно накатываются на берег почти у самых ног. И почему-то именно это спокойное равнодушие волн начинает завораживать – вдруг приходят мысли о том, что океан точно также накатывался на берег и сто, и триста лет назад. И бородатые моряки Васко да Гамы наблюдали абсолютно тоже самое. И небрежно завернувшийся в шкуру, лохматый кроманьонец видел точно такие же волны. А задолго до него – динозавры. Миллионы лет абсолютно ничего не менялось. Меняла свой облик суша, а океан – нет. И ему совершенно без разницы – смотрит на него человек с чудесами электроники в кармане или птеродактиль косит глазом на пенные гребни. Все эти существа суетливы и недолговечны, внимания заслуживает только суша, чей скалистый край можно неторопясь подтачивать тысячелетиями, превращая камни в песок. Точно так же, как сейчас – неспешно посылая волну за волной, каждую четвертую или пятую делая чуть сильнее... Или изредка усилившись до шторма, громко разбивающего мягкие и теплые потоки воды о скалы, чуть ускоряя их разрушение.

Память тут же услужливо выталкивает наружу воспоминания о всех виденных в жизни штормах, особенно тропических – делая особый акцент на коварстве стихии, заключенном в мягкости теплых волн, имеющих невероятную силу и целеустремленность, страшную в своем бездумии. И глядя на плещущиеся у ног волны вдруг осознаешь, что они – лишь шевеление тонкой кожицы на огромном, уходящем на километры вглубь, очень цельном организме.

А шум волн продолжает завораживать – и сознание скачком словно выскакивает из черепа, мгновенно расширяясь до ломанных краев скалы справа и слева – и до самого горизонта впереди. И вдруг начинаешь ощущать себя неотделимой частью мира, будто проснувшись и ясно почувствовав реальность. И удивляешься тому, как долго можно было жить в полусне.

И казавшиеся неразрешимыми проблемы вдруг становятся совершенно мелкими и незначительными, а решение одной из них тут же приходит в голову – простое и красивое. Но тут же отбрасывается поглубже в память, как совершенно не значимое именно в эти минуты. Потому как возникает и начинает крепнуть чувство, что именно сейчас удастся постичь нечто бесконечно важное, возможно главное в жизни. Может быть, сам смысл бытия. И неторопливый ритм набегающих волн так же неторопливо приближает к этому пониманию. Вернее наоборот – приближает его, медленно накатывает на вас само это понимание. Будто волну неувливаемого запаха, который вот-вот окрепнет и станет понятным... А легкий и влажный аромат водорослей в неровном дыхании вечернего ветерка словно является составной частью того самого, главного запаха.

А вы сидите, полностью расслабившись, и ловите себя на мысли, что даже не подозревали ранее – оказывается можно так расслабиться, полностью и без оглядки. Сидите и просто ждете момента откровения, который неотвратимо накатывается вместе с волнами, уже не казущимися равнодушными. И всей кожей чувствуете, что океан уже готов поделиться с вами этим откровением...

Но тут проводник легонько трясет вас за плечо и деликатно указывает на солнце, уже прикоснувшееся к горизонту. А затем на незаметно подкравшийся прилив, волны которого уже начали на излете осторожно трогать кроссовки. И вы неожиданно легко соглашаетесь, мгновенно осознав, что – нет, не сегодня, не в этот раз. И подхватив бутылку, уже давно переливавшуюся через край, идете за проводником. Который иногда просто оборачивается, иногда

помахивает ладонью, указывая направление – но в целом почему-то ведет себя так, словно вы близкие родственники.

А по возвращении в деревушку еще двое мужчин подходят к нему и, перекинувшись парой слов, тоже почти неувидимо расслабляются, меняя выражение темных глаз, и все трое провожают вас к машине словно двоюродного брата, приезжавшего погостить.

А уже у самой машины проводник вдруг достает из кармана маленький кожаный кубик, сантиметр на сантиметр, с кожаной же тесемкой, привязанной к одному из углов. И молча вручает, закрыв вашу ладонь своими и недвусмысленно показывая, что это подарок, и за это платить нельзя – потому как кощунство. И отвечает на ваш недоуменный взгляд предельно просто и искренне:

– Приезжай еще.

И мягко улыбаясь, прощается. Как с родственником. Двое его спутников – тоже, деликатно придержав вас под локоть, усаживая в машину и вежливо закрыв вам дверь. А потом дружно вскинув руки в прощальном жесте – эдаком плавном, легком и чуть небрежном, словно расстаются с вами всего на неделю.

И вот они уже идут к местному кафе, освещенному пыльными лампочками на толстом проводе, кривовато и легкомысленно перекинутом через козырек деревянной веранды. И уже через пару шагов, как ни в чем не бывало, болтают о своем.

А вы понимаете, что эти простые люди не так уж и просты. И погрузившись в привычное нутро машины, несколько секунд бездумно рассматриваете уютную подсветку многочисленных кнопок вокруг вас – постепенно осознавая, что только что неожиданно завершился какой-то важный этап в вашей жизни.

И только с первым фырканием мотора возвращается привычное ощущение мира и привычный цейтнот.

А душа – с мимолетным сожалением, уже где-то на самом краю сознания – возвращается к привычному равновесию.

Плотник

Последняя стружка вышла удивительно ровной и тонкой. Отложив инструмент, он поднял ее на вытянутой руке, заслонив заходящее солнце, уже заглянувшее под навес. Стружка мягко засветилась изнутри желтым и розовым, будто живая плоть. Засветилась так ровно и нежно, что сердце застучало сильнее – очень редко у него получалось нечто подобное. И каждый раз появление такого маленького чуда, вдруг сошедшего в обыденность и оказавшегося в руке, вызывало удивление и щемящий восторг в груди, которого он всегда почему-то немного стыдился. Но радость от любования красотой всегда размывала, растворяла в себе стыд, и в итоге ненадолго рождалось иное, редкое и удивительное чувство – порой просто давно забытое, а иногда и какое-то совершенно новое.

Так получилось и в этот раз. Первый порыв вечернего ветерка чуть шевельнул пыльную, в засохших, грязноватых потеках листву старого дерева возле навеса – не разогнав, а будто подчеркнув влажную духоту. Но вдруг удивительным образом подтвердив хрупкость, изменчивость – и в то же время единство окружающего мира. Непостижимо выраженное в безлюдности узкой улицы, сбегающей к ровной глади воды, теплоте нагретых за день беленых стен в легких трещинках, красноватых от пыли крыш с воркующими на них голубями. И яркой голубизне промытого утренним ливнем неба, молча скрепляющего целостность открывшейся взору картины. Которая тут же вызвала отклик в душе – светлое, но чуть тревожное предчувствие неведомых перемен, близких и неизбежных. Сопровождаемое сладостным, безоглядным их предвкушением, совсем как в детстве.

Он медленно опустил руку, чуть сощурившись от ударившего в глаза, но уже не яркого солнца, и бережно положил стружку на край верстака. Перестав светиться, она все еще продолжала хранить в себе очарование, спрятав его в своей бархатистости, невесомости и тонком изгибе. Очарование, особенно сильное тем, что уже завтра утром она его утратит, превратившись в простой и блеклый кусочек сухого дерева, больше похожий на труху и способный напомнить разве что о бренности всего земного.

Выйдя из-под навеса и бросив последний взгляд на почти доделанную работу, завершить которую можно будет не торопясь уже завтра к полудню, он медленно обошел угол дома и направился к крыльцу, бережно неся в себе возникшее чувство. Которое уже начало слегка бледнеть и утекать из груди тонкой стружкой – но он всеми силами подстегивал его, стараясь во что бы то ни стало удержать и заставить сохранить яркость. Отчетливо понимая, что это невозможно и уже заранее грустя об утрате. Грустя, и в то же время неторопливо размышляя. О том, что увы, но мир так устроен, и прелесть настоящего очарования именно в его мимолетности. И что даже красота природы, порой подчеркнутая многолетней старостью, не вечна. А всегда неожиданная красота творений рук человеческих столь же быстро преходяща, как и очарование юности, и лишь немногие из этих творений могут жить веками, все равно неизбежно утрачивая случайно найденную гармонию.

И тем более удивительно, как масса вроде бы случайных обстоятельств может дать неожиданный всплеск красоты в мире. И что даже грубое вмешательство человека в тонкое равновесие природы иногда дает такие поразительные результаты. Вот росло себе дерево, неторопливо и бережно наращивая кольца в стволе и ветвях. Его миновали страшные, валящие лес бури. Насекомые не досаждали ему, внедряясь в самую сердцевину, а лишь мирно сожительствовавали в корнях и под корой, помогая опыляться в пору цветения. И дерево выросло здоровым, стройным, с ровными и аккуратными кольцами древесины. Но именно из-за здоровья и стройности человек выбрал именно это дерево, резко и грубо вмешался в неторопливое и ровное течение событий, острым железом прервал его жизнь. Потом столь же грубо разделал и равнодушно отволоч на продажу обглоданный ствол. А потом ствол попал к другому человеку,

и он уже более тонко, но также жестоко вторгся острым железом в целостность бережно возвращенной многолетней древесины – и вдруг на свет появилась красота! Неожиданная и мимолетная, увиденная только им одним, но от того не менее прекрасная и жизнеутвещающая! И появилась она вопреки всем грубым человеческим вмешательствам в течение жизни, хотя ими же и порожденная... Но главное и не менее удивительное здесь – грань. Тонкая грань, отделяющая прекращение чьей-то жизни от убийства. Красоту в убийстве может найти только перешедший на темную сторону, а оттуда не видно истинной красоты этого мира...

Прибежавшая неизвестно откуда тучка закрыла солнце, и, поднявшись на крыльцо, он на ощупь вошел в прохладный полумрак дома. Досадливо отбросив принявшие неприятное течение мысли, остановился, прислонившись плечом к шершавой стене, и вновь попытался сосредоточиться на посетившем его чувстве.

Интересно, действительно ли грядут перемены или это просто приятный отзвук из пережитого в детстве? В любом случае, прочувствовать такое хотя бы несколько минут – редкость и большой подарок. Пожив на свете и многое повидав, он научился ценить подобные мгновения, наравне с нынешней своей спокойной и размеренной жизнью. В глубине души считая и то, и другое вознаграждением себе за пережитое в прошлом.

Но положенное кем-то время незаметно прошло, и чувство покинуло его, как всегда оставив где-то в груди лишь свою оболочку, будто кокон упорхнувшей бабочки. И это призрачное напоминание о пережитом будет обволакивать и тревожить душу, задавать ей настрой еще долго, может быть несколько дней. Но само чувство уже не вернется, как не возвращаются бабочки в свой кокон. Вот и на этот раз его наивная надежда оказалась – впрочем, как и всегда – тщетной. Осознав это, он покорно вздохнул и неторопливо пошел вглубь дома, направляясь к лестнице. Глаза уже привыкли, и дом перестал казаться погруженным в полумрак.

– Мария!

– Да! Я здесь! Мой руки и поднимайся, ужин почти готов!

Зайдя под лестницу, он подошел к рукомойнику и тщательно помыл руки. Потом не менее тщательно вытер их жестким сероватым полотенцем – именно такие он и любил, не поддаваясь на периодические призывы Марии купить более тонкие и нежные.

Поднимаясь по лестнице, привычно скрипнул третьей ступенью, и как всегда подумал о том, что правильно решил в свое время не подправлять изъяз рассохшегося дерева. Этот резкий, но неожиданно мелодичный скрип, отдаленно напоминающий напев пастушьей дудочки, успокаивал душу и очень удачно вписывался в чуть сумрачный, но теплый и дружелюбный облик старого дома. И оставался на удивление неизменным в течение многих лет.

Кухню он, вопреки обычаю, решил обустроить на втором этаже, и не прогадал – тут получилось намного уютнее. А Мария со временем так привыкла к ней, что окончательно перестала пользоваться кухней во дворе – делая исключения лишь на редкие праздники, когда в дом съезжались гости, и нужна была большая жаровня для мяса.

Перешагнув через порог, он неторопливо прошел к столу и уселся за него, кивнув Марии, которая на миг оторвалась от нарезания овощей, обернулась и приветливо улыбнулась своей чарующей улыбкой. Улыбка у нее была удивительной – открытой, чуть озорной, но в то же время застенчивой. И каждый раз, когда он приходил есть, она ему улыбалась именно так. А он, в свою очередь, еще за порогом предвкушал эту улыбку.

Положив руки на стол, он привычно огляделся, любуясь уютом и заведенным Марией порядком и, в тоже время, ища краешком глаза появившиеся или только намечающиеся поломки и неисправности – как делал всегда, заходя в любое из помещений в своем доме. И если находил, то без лишнего шума их подправлял. Или оставлял до поры, считая какую-нибудь трещинку достойно вписавшейся в общий облик дома.

Закончив неторопливый и внимательный осмотр и не найдя никакого изъяна, он еще раз вздохнул – на этот раз облегченно, будто выдыхая напряженность рабочего дня, – чуть

иронично поджал губы и расслабленно откинулся назад, уперевшись лопатками в жесткую, но удобную спинку стула. И с удовольствием осмотрел кухню еще раз – но уже не всматриваясь в детали, а наоборот, стараясь охватить ее всю чуть рассеянным и вроде бы беспорядочно блуждающим взглядом.

Мария питала страсть к керамике, и ровные ряды глиняной посуды выстроились на специально сделанной для нее верхней полке – основательной, с высоким бортиком, чтобы какой-нибудь горшок не свалился ненароком. А в дальнем и самом темном углу висели пучки засушенных трав, безвольно направив сухие кисточки аккуратно срезанных стебельков в потолок. И именно они, вместе с разномастными горшками на полке, создавали основной уют на кухне – а вовсе не стоящий в противоположном углу светильник, как считала жена.

Неизвестно откуда взявшаяся тучка ушла, и вновь засиявшее солнце заглянуло в окно, первым делом высветив высокоблещенное до матового блеска дно большого медного таза с длинной ручкой, висевшего на крючке у края полки с керамикой. Отразившись в нем, солнце будто бы прислало в дом своего племянника – или внуку – с маленькой, но серьезной и неотложной миссией. И сейчас этот ребенок с важным и чуть горделивым, но от этого еще более детским видом сиял, вися на расстоянии ладони от стены и пытаясь донести до людей свое послание. Но люди скорее всего не поймут его, глупо радуясь и улыбаясь неизвестно чему, и нетерпеливый малыш вскоре разочарованно убежит, ничего не оставив на память. Разве что тусклую медь одиноко висящей большой посуды, послужившей ему временной опорой.

Улыбнувшись неожиданно пришедшему в голову образу ребенка-посланника солнца, он перевел взгляд на жену, все еще стоящую к нему спиной и продолжающую торопливо постукивать ножом, дорезая овощи.

Несмотря на большую разницу в возрасте, женаты они были уже давно. Но тщательно скрываемое восхищение ее отзывчивым характером и скромностью, удивительно сочетающимися с веселой непосредственностью, не покидало его с первого дня их знакомства. И подтверждение этого редкого сплава душевных качеств супруги он с радостью находил буквально в каждом ее слове или грациозном движении – даже когда она сердилась или просто сидела с рукодельем на коленях.

Вот и сейчас, глядя на ее тонкую талию над красивым изгибом бедер, просматривающимся сквозь складки простой и свободной домашней юбки из грубой, ворсистой ткани, он исподволь любовался женой, одновременно ловя взглядом отрывистые, чуть стесненные движения локтя правой руки, в которой она держала глухо стучащий нож. И в этом торопливом стуке, напряженности локтя и спины отчетливо улавливалось, что это последние штрихи, и вот-вот все будет готово. Предчувствуя скорое завершение простого кухонного действия – и одновременно боясь, что она почует его восхищенный взгляд и обернется, прервавшись раньше времени, – он торопливо перевел взор на ее ноги, а затем на прическу. И сразу же смутился своей суетливости, вызванной неопределенными и смешными опасениями. Но тут же был вознагражден, так успел уловить приятное сочетание блеска ворсинок юбки в солнечном луче и мягкой игры света в волосах жены.

А солнце между тем неуловимо сдвинулось в своем бесконечном вращении, и подмеченное им сияние проявило себя во всей полноте. Мария вдруг будто бы вся засветилась изнутри, как еще недавно это сделала стружка, но только более нежно и трепетно. Юбка покрылась рыжеватым пушком, а в белизне кофты проглянул розовый оттенок, словно кожа пыталась показать себя через ткань. И над всем этим засиял золотистый полумесяц с волнующе размытыми краями, мягко накрывший кудри жены. И вновь мир вокруг пропитало сладостное напряжение, которое всегда являлось предвестником чуда – маленького или большого. Он даже затаил дыхание, пытаясь впитать в себя полностью и удержать в памяти образ, неожиданно рожденный светилком. Но тут за окном пролетела птица, на мгновение заслонив собой солнце

и отбросив будто мигнувшую тень – и волшебный образ исчез, разрушившись и потеряв свою целостность, сменившись просто приятной для глаз игрой света на стройной женской фигуре.

Он досадливо сморщился и даже привстал, чтобы глянуть в окно в попытке увидеть разрушительницу чудесного видения. И увидел – большой, угольно-черный ворон уселся на соседнюю крышу, разогнал голубей и принялся по-хозяйски расхаживать по ее краю.

В груди начала зарождаться обида на глупую птицу, неожиданно сильная, но ее тут же развеяла Мария. Она перестала стучать ножом, развернулась и плавно понесла к столу миску, полную его любимой бобовой похлебки. Бережно ставя миску, она снова улыбнулась – на этот раз сдержанной и чуть самодовольной улыбкой женщины, подающей еду своему мужчине. Затем чинно положила ложку – и не удержалась, выскочила из образа благовоспитанной домохозяйки: торопливо присела было напротив, но потом заполошно всплеснула руками, вскочила, быстро и чуть суетливо подала на стол блюдо с овощами, затем маленькую тарелочку свежих маслин и кувшин с соком. Плавно покрутила расслабленной рукой у плеча в неопределенном жесте, но тут же, как девчонка, смешливо прыснула, прикрывшись ладонью, и, наконец, снова уселась, подложив одну ногу под себя и подперев щеку кулачком.

Он снова сдержанно улыбнулся, не спеша взял ложку и наклонился над тарелкой.

Похлебка по случаю жары была остуженной и насыщенный аромат уже утратила, но зато можно было различить примешавшиеся к нему запахи овощей, маслин и даже сырого дерева разделочной доски. И вместе с общим запахом кухни, состоящим в основном из легкого, но неистребимого духа сухих трав, получилась изумительная смесь, которую хотелось вдыхать еще и еще. Он наклонил голову, чуть прищурился и втянул в себя запах еще раз – так, что зашекотало ноздри – но обоняние под конец вдоха уже притупилось. На ум тут же пришло сравнение с чувствами, которые угасают так же, как и запахи – чем больше и острее хочется их ощущать, тем быстрее они притупляются.

А Мария, тем временем, с явным удовольствием пустилась в рассказы о своих простых и незамысловатых новостях, вертящихся вокруг цен на рынке и нравов приезжих торговков. При этом живо всплескивала руками и изображала в лицах диалоги, иногда привставая со стула или приседая пониже, заставляя стол изображать торговый прилавок.

Он слушал вполуха, размеренно и степенно поднося ложку ко рту, но украдкой продолжал любоваться женой, рассеянно и как бы невзначай посматривая на нее.

Однако, эта охотничья хитрость оказалась тщетной – Мария, чисто по-женски, уловила скрытое внимание, и речь ее сделалась более плавной, а жесты чуть более выразительными. И он, уже не скрываясь, принялся открыто любоваться ею – с обожанием во взоре, лишь слегка прикрытым легкой иронией. Иронией взрослого мужчины, в полной мере осознающего себя и свое место в мире – и в то же время пытающегося утаить хотя бы часть восхищения и нежности, неожиданно пропитавших все его естество.

Понимая это, но не подавая виду, чтобы ненароком не сделать больно, пробив хрупкий панцирь мужской гордости, Мария изо всех сил старалась не повышать голос и не допускать в него даже тени ответной иронии.

Он видел это, и в ответ проникался еще большей симпатией и благодарностью к жене. А она понимала, что он видит. И это обоюдное понимание постепенно нарастало, становясь все более теплым и всеобъемлющим.

Он уже не разбирал слов – просто слушал ее. И вдруг понял, что Мария, словно поймав неведомый ритм, принялась плести руками и голосом невидимый узор в воздухе между ними. Неуловимо-прекрасный узор, который он силился разглядеть – и не видел. Но при этом все сильнее и сильнее ощущал его красоту – божественно-совершенную, и в то же время чуть тревожную, щемящую сердце противоречием между гармонией и незавершенностью.

А узор неторопливо, но уверенно рос – накрывая стол, охватывая пространство кухни и осторожно выпуская ажурный уголок за окно.

Пораженный и восхищенный этим наваждением, он даже слегка прищурился, боясь упустить, потерять ощущение внезапно проявившейся целостности их маленького мирка, скрепленного безмолвно и сладостно дрожащим переплетением невидимых, но в то же время явно светлых, золотистых нитей, выхваченных его женой откуда-то из основ бытия, из-под самых глубоких его корней.

Наваждение не пропало, даже слегка усилилось – и тут вдруг вернулось чувство грядущих перемен. Вернулось впервые в жизни. И тоже усилилось, буквально разлилось в воздухе. Настолько сильно, что коснулось Марии. Она замолчала на полуслове и опустила глаза, но сплетенный ею узор удивительным образом остался в пространстве, лишь чуть ослабив свое мерцание.

А к нему пришло спокойное и глубокое понимание, что вернувшееся чувство – не случайная игра разума, сложившаяся из мозаики впечатлений.

Посерьезневшая, но на удивление спокойная Мария медленно подняла глаза, их взгляды встретились, и он увидел, что это понимание пришло и к ней.

Теплая волна поднялась в его груди и рванулась ей навстречу. И тут же получила отклик – будто прозрачный, но почти зримый серебристый мостик протянулся между ними над поверхностью стола.

Он замер в недоумении, слегка нахмурившись, затем тряхнул головой. Сплетенный Марией узор пропал, но мостик остался, лишь чуть потускнел. А Мария спокойно оглядела соединившее их ажурное нечто, мягко и не по годам мудро улыбнулась уголками рта, затем протянула ему руку.

Он осторожно взял ее ладонь в свою – и мостик пропал. А вместе с ним и странное напряжение, висевшее в воздухе – словно вселенная облегченно выдохнула. Но взамен возникло ощущение какого-то полного единения – и плотного прозрачного кокона, окружившего их обоих. От неожиданности он сжал ее ладонь чуть сильнее – и тут мир буквально перевернулся. Точнее повернулся так, что они оказались в центре мироздания. Которое тут же замерло в шатком равновесии, словно ожидая от них чего-то. Чего-то очень важного – пристальное внимание мира он ощутил буквально кожей. И растерялся – не зная, что делать дальше.

Но враз повзрослевшая Мария снова загадочно улыбнулась и встала, мягко увлекая его за собой. Не выпуская руки, обвела его вокруг стола и потянула в глубину дома. И он понял, что это правильно. Тем же самым спокойным и глубоким пониманием, что пару мгновений назад. И нашел подтверждение во вновь схлынувшем напряжении вокруг – словно вселенная выдохнула второй раз.

Он уже не удивился, когда Мария привела его в спальню. И все было ясно без слов – только легкий стыд от страха поспешить и сбиться, неловко соскользнуть с волны заданного миром ритма.

Мария глубоко задышала, крепче прижимая его к себе, а он не мог оторвать взгляда от ее глаз – то замуренных, то внезапно распахивающихся, но не видящих ничего, словно всматривающихся глубоко в себя. И глядя на ее глаза, он понимал что все – правильно, это главное. Ее и его предназначение в жизни. То, чего терпеливо ждало от них мироздание. Неспешно готовя ее и его к этому. Но не заставляя и принуждая – а мягко подводя, оставляя свободу выбора. И также мягко, но недвусмысленно дав понять, когда этот выбор надо сделать.

Он ответно обнял Марию покрепче – и почувствовал, что в нем зреет маленькая белоголубая звездочка, которую он должен передать ей.

И тут же яркой вспышкой, в одно мгновение, неким внутренним, на удивление ясным взором увидел всю свою жизнь, словно череду застывших картинок – беззаботное детство, юность, внезапно прерванную потоками крови, долгие годы невзгод и лишений, закалившие его и позволившие стать настоящим мужчиной. Встречу с Марией и слова старика-провидца, предсказавшего эту встречу задолго до того, как он начал помышлять о женитьбе.

Тут же вернулся в настоящее – но не удержался и скакнул в грядущее. Промелькнувшее такой же чередой картинок.

Увидел ребенка на руках Марии, улыбавшейся невероятно мудрой улыбкой, впервые виденной им сегодня.

Какие-то поля, холмы, деловито снующие жрецы... И страдание. Снова страдание, кровь. Тело, завернутое в саван. Тысячи, миллионы людей, скорбящих о нем и поклоняющихся ему.

А еще большой, тяжелый камень у себя на плечах.

В груди поднялась тягучая, темная волна – зачем? Зачем это все?! Неужели та жизнь, которую он выстрадал – незаслуженна? И должна прерваться, обратившись опять в муку? За что? Разве он не вправе продолжать наслаждаться покоем и размеренным созерцанием гармонии мира? Разве всей своей прошлой жизнью он не заплатил сполна за сегодняшнюю?

Темная волна в груди сгустилась, и перед глазами возник давешний черный ворон, разгуливавший по крыше.

Он встряхнул головой, отгоняя образ птицы – и словно очнулся.

Мария еще сильнее обхватила его руками и, приподнявшись, нежно поцеловала в шею.

А он должен передать ей зародившуюся в нем звездочку. Хотя бы в благодарность миру за пережитые недавно удивительные мгновения. И в мире ничего не происходит просто так – значит, он должен помочь миру, если тот его о чем-то попросил. Попросил недвусмысленно, но по-доброму, не заставляя и не принуждая. И он свой выбор сделал.

Но звездочка в груди потускнела и исчезла.

В разлившийся тишине было слышно только дыхание Марии.

Мир вернулся на прежнее место. Будто ничего не было.

Через некоторое время Мария прикоснулась к его плечу и тихо спросила:

– А как ты думаешь, что это?

Он помолчал, раздумывая.

– Не знаю. Но мне почему-то кажется, что это готовилось очень, очень долго. И возможно, чуть позже все случится, как и было задумано. А может быть, это произойдет через тысячу лет.

Рой

– Смотри, смотри – зелененький пошел! Проявляется, прямо на ходу! Похоже свежий!

– Вчерашний. Вчера вечером рой на углу Пастера и бульвара Жоффр проявился. Видно, у торгового центра роиться не решился. Машины пожег, пару домов. Растворился быстро, но нескольких наши пометить успели. Серж, ты не зевай! Вали его, пока не ушел!

– Не уйдет... – Серж уперся подошвой армейского ботинка в опрокинутый табурет, со скрежетом приперев его к стене, и свесился из чердачного окна, прицеливаясь. Винтовка с глушителем издала приглушенный хлопок. – Есть!

– Завалил?

– А то! Вызывай наряд. Нет, постой! Вон патруль едет... Ага, заметили. Подбирают.

– Ну, и славно. Не завидую парню – ждет его не самое радостное пробуждение, с головной болью и в холодной камере.

– Это точно.

Серж расслабленно уселся на пыльный пол, прислонившись спиной к стене и не забывая вполоборота поглядывать на улицу.

– Слушай, Жан! Вот мы зеленкой метим этих роящихся – а если рядом оказались просто прохожие и случайно до взрывчатки дотронулись? Или их нарочно взрывчаткой мазнули? Тогда как?

Худой, чернявый и горбоносый Жан приосанился и даже прокашлялся для солидности.

– Видишь ли, Серж... – Но тут же сбился с назидательного тона и экспрессивно продолжил. – Ты вот думай что говоришь, понял? Зеленку не дураки придумали! Если просто вблизи окажешься или испачкаешься – зеленка не проявится! Надо, чтобы взрывчатка долго рядом с телом была, и масса чтоб у нее оказалась не меньше двухсот граммов! Тебя что, в вашей Эстонии не учили?

Серж откинул голову к стене и задумчиво посмотрел в перекрестье чердачных балок.

– Да не моя это Эстония. Я ж из России, а в Таллинн сразу после учебного полка попал, по распределению. Оттрубил два года, теперь к вам. А в Эстонии зеленкой мы не пользовались – какие-то нелады с законодательством. Что-то там с превентивными мерами и презумпцией невиновности... Вроде хотели законы поменять, но быстро не вышло, в заседаниях всяких погрязли...

Жан презрительно хмыкнул.

– Это так, от законников скорости не жди, даже если им задницу поджаривают, как сейчас. Дармоеды... А почему тебя к нам-то послали, если не секрет?

Серж невесело усмехнулся.

– Потому что французский знаю. В институте учил. Как слух прошел, что рой у вас опять активизируется, так и отправили. А по мне так разницы нет, в каком городе на блокпостах сидеть... Чердаки да мансарды везде одинаковые...

– Это точно. – Жан подошел к проему окна, хрустя рифлеными подошвами по ошметкам штукатурки, и осторожно выглянул наружу.

– Ну, что там? Увезли огурчика? – лениво спросил Серж.

– Загружают.

В ушах хором ожили горошинки раций:

– Здесь восьмой! Всем! Есть информация, что рой может активизироваться в шестом округе! Особенно внимательными быть постам в районе вокзала Бротто и на улицах Кювье и Бюго! Конец связи!

– Началось... – Серж, кряхтя, поднялся с пола и пристроился на корточках рядом с Жаном, у низкого подоконника. – Видишь что-нибудь?

– Нет пока. – Жан продолжал внимательно всматриваться в густую толпу отправляющихся на обед людей из окрестных контор, наводнявших тротуары и кое-где даже нетерпеливо выскакивающих на узкую проезжую часть улицы, лавируя между припаркованных в ряд машин.

– Посмотри туда, быстро! – Серж ткнул пальцем в двух молодых парней, по виду скорее рабочих с крупного завода, чем клерков из соседних офисов. – Видишь, не торопятся и переглядываются?

– Точно! Кладем их!

Жан уперся локтями в подоконник и выдвинул ствол наружу, прицеливаясь. Серж последовал его примеру. Но они чуть опоздали.

Парни на перекрестке кивнули друг другу и синхронно сунули руки в карманы. Раздавшиеся одновременно хлопки винтовок не успели что-то изменить – парни завалились мешками на асфальт, но сигнал передать успели.

Потому что буквально через секунду из потока пешеходов по обеим сторонам улицы выделились люди, выхватившие из карманов и сумок одинаковые оранжевые баллончики. Почти синхронно приблизились к стенам домов и быстрым, широким взмахом нанесли краской по одной линии. Каждый по одной – короткой или длинной – но эти небрежные штрихи моментально сложились в четкие, оранжевые надписи: на одной стороне улицы – «Мы повсюду!», на противоположной – «Мы хотим только справедливости!».

– Огонь! – крикнул Жан, одновременно швыряя в окно горсть гранат с зеленкой, и стволы винтовок заматались, лихорадочно выплевывая дротики с красным оперением.

Но сделав свое дело, люди уже поспешили смешаться с толпой, побросав баллончики и резиновые перчатки. Лишь четверо из них остались лежать у стен.

Гранаты с треском лопнули, не долетев до земли, и заволокли улицу легкой дымкой. Толпа начала впадать в привычную панику. Именно привычную – без криков и лишней суеты люди максимально ускорились, а кое-где и побежали, стремясь быстрее покинуть опасный квартал. Только одна женщина с прогулочной коляской остановилась и громко, истерично закричала, показывая пальцем на дротик, торчащий в колесе коляски, и тут же патетически разводя руками. Ребенок проснулся и тоже жалобно заорал.

Несколько прохожих задержались, снимая женщину на камеры мобильных телефонов.

– В твоём секторе, мазила! – ехидно произнес Серж. – Поздравляю! Ты теперь негласный герой вечерних новостей! И зеленку опять зря извел!

Жан сморщился было, но тут же напустил на себя вид воинствующей справедливости.

– Тоже мне, трагедия! Я ж в колесо попал, саму коляску не задел, так? Чего разоралась, спрашивается? И чего ее вообще, скажите мне, с коляской в этот квартал понесло, в это время? Сама виновата, и нечего орать!

– Ладно, не кипятись! – Серж примирительно похлопал Жана по плечу. – Может, она на работу с ребенком ходит. Или мужа встречать пошла.

– Все равно, нечего орать! – Пробурчал Жан, но уже более спокойным тоном. – Не первый день на свете живет, понимать должна ситуацию! И нечего соваться, куда не надо!

– Ты чего завелся? А куда сейчас соваться можно, она, думаешь, знает? Или кто-нибудь в этом городе? Может, ты знаешь?

Жан остро глянул на Сержа и опустил глаза. Помолчал, пожевав губами.

– Не знаю. Но все равно орать незачем.

– Ладно, угомонись, она уже прекратила.

На опустевшей улице действительно оставалась только немного успокоившаяся, но все еще продолжавшая всхлипывать женщина, стоящий рядом с ней полицейский и еще двое из патруля, грузившие в машину безвольное тело с еще более позеленевшей кожей. А рядом с машиной лежало пятеро обездвиженных.

– Гляди-ка, рой под шумок своего отбить пытался! Но ребята молодцы, не дали!

– Вот гады! – Жан выглянул наружу и смачно сплюнул на пустой тротуар. Серж посмотрел на него и тоже демонстративно плюнул. Жан удивленно глянул на Сержа, потом вниз – и оба облегченно рассмеялись, стучая друг друга кулаками по плечам. – Эй, а что там с лозунгами этими? Или мне кажется?

– Где? – Серж прищурился. – Да, точно, вроде краска пузырями пошла. Ох, ничего себе! Это что-то новенькое!

Запузырившаяся краска поволоклась синим дымком и вспыхнула. Горящие лозунги разом приобрели зловещий вид. Невесть откуда взявшийся и пробирающийся бочком прохожий шархнул в сторону. Женщина с коляской снова заголосила, но полицейский отвернулся от нее и, прижав указательным пальцем рацию в ухо, забормотал – видимо, вызывая пожарных.

Пожарные не понадобились – пламя быстро потухло, перекрасив лозунги в черный цвет, а легкие разводы копоти над буквами словно придали им какой-то дополнительный смысл – эдакую смутную угрозу.

Полицейские быстро погрузились в машину и уехали, на улице остались лишь неподвижные тела и женщина с коляской, молча крутившая головой и странно дергавшаяся – будто порываясь пойти, и тут же передумывая.

– Ну вот чего, спрашивается, она стоит?! – начал было снова заводиться Жан, но его прервала вновь включившаяся рация.

– Девятый блокпост! К вам сейчас прибудет смена, а вы оба в машину – и быстро в штаб! Тут девушку доставили, а она с перепугу французские слова с русскими путает. Но явно что-то интересное рассказать хочет, так что срочно нужен Серж.

– Есть, мой лейтенант! – отозвался Жан и с любопытством глянул на Сержа. – Мой лейтенант, тут у нас рой себя по-новому проявил, лозунги горящие на стене нарисовал.

– Знаю, полиция уже доложила. Эксперты выехали на машине, посланной за вами. Не ждите смены, спускайтесь, вопрос срочный.

– Есть, мой лейтенант!

* * *

Подхватив винтовки и ранцы, Жан и Серж бросили последний взгляд в окно и заспешили к открытому люку. Спрыгнули на площадку, с грохотом сбежали по крутым, скрипучим деревянным ступенькам вниз, вышли на улицу и заозирались по сторонам в поисках машины. Она не заставила себя долго ждать – бежевый фургон с веселым булочником на борту резво вырулил из-за угла и подлетел к подъезду, лихо затормозив и едва не ткнув бампером новенький красный Фиат, стоящий у бордюра. Из распахнувшихся еще на ходу задних дверей тут же выскочили два незнакомых бойца, а за ними неторопливо выгрузилась троица нахмуренных экспертов с чемоданчиками. Эксперты тут же направились к зловещим надписям на стенах, а бойцы, вопросительно кивнув в сторону подъезда и получив в ответ по такому же короткому, но утвердительному кивку, вбежали внутрь дома и затопали вверх по лестнице.

Жан запрыгнул в фургон первым. Серж последовал за ним, но сперва хлопнул ладонью по глазу на веселой физиономии булочника, под которым была замаскирована узкая бойница, и грустно усмехнулся чему-то. Затем, не оборачиваясь, захлопнул дверь и плюхнулся на боковое сиденье рядом с Жаном. Водитель – крепыш с усиками и двумя симметричными бородавками на крыльях носа, за которые получил кличку Клещ – повернулся, вывернув шею, заговорчески кивнул и сально осклабился.

– Клещ, отвали! – раздраженно накинута на него Жан. – Не было ничего интересного, сегодня, не было! Понял? Хватит лыбиться, рули давай!

Клещ разочарованно отвернулся и тут же рванул с места, обиженным жестом прибавив громкость радио.

Бронированные стенки и окна хорошо заглушали звуки снаружи, и голос диктора новостного канала звучал отчетливо:

«...Таким образом, по мнению экспертов, шансы в парламенте у Нового Национального Фронта по итогам прошедших выборов как никогда высоки. Обозреватель «Монд» Поль Совиньи так же подтвердил это, сказав нашему корреспонденту, что «впервые в истории страны молодая политическая партия смогла добиться признания большинства избирателей в столь короткий срок, и этот феномен нам еще предстоит изучить.» В свою очередь, лидер партии Пьер Мари Крейон перед открытием внеочередной парламентской сессии заявил журналистам: «Наша партия намерена сегодня же воспользоваться столь существенным преимуществом, полученным в результате беспрецедентного доверия, оказанного нам избирателями. И верность нашей платформы безоговорочно подтверждает то, что на выборах нас поддержали представители национальных меньшинств и вчерашние эмигранты, на которых недавние граждане пытаются свалить все назревшие проблемы в обществе. И мы намерены сегодня же добиться большинства в голосовании по вопросу о новом законодательном пакете, призванном положить конец экстремистскому произволу в нашей стране!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.